

УДК 005.95

UDC 005.95

08.00.00 Экономические науки

Economic sciences

**УЧЕТ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ В УПРАВЛЕНИИ
ПЕРСОНАЛОМ**

**ACCOUNTING ETHNO-PSYCHOLOGICAL
FEATURES IN PERSONNEL MANAGEMENT**

Наприев Игорь Леонидович
к.псих.н.

РИНЦ SPIN-код: 7695-5441

Ведущий инспектор ОКиВР, майор полиции, член
совета

*Региональное управление ФСКН по
Краснодарскому краю, совет по психотерапии и
психологического консультирования по
Краснодарскому краю и Республике Адыгея
Краснодар, Россия*

Napriev Igor Leonidovich

Cand.Psych.Sci.

SPIN-code: 7695-5441

Lead inspector of OkiVR, Police major, member of the
Board

*Regional Federal Drug Control Service in the
Krasnodar region, psychotherapy and psychological
counseling for the Krasnodar region and the Republic
of Adygea, Krasnodar, Russia*

Калитко Светлана Алексеевна

к.э.н., доцент

РИНЦ SPIN-код: 8384-5660

*Кубанский государственный аграрный
университет, Краснодар, Россия*

Kalitko Svetlana Alekseevna

Cand.Econ.Sci., associate professor

SPIN-code: 8384-5660

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

В статье представлен анализ теоретических и эмпирических результатов исследования этнопсихологических особенностей представителей двух этнических групп. Приводятся результаты сравнительного анализа и смысловой, ценностной сферы личности, особенности структурирования жизненного опыта. Исследование носит скорее прикладной характер и позволяет с практической точки зрения руководителя оптимизировать структуру мотивации персонала и формирования оптимального баланса деловых и неформальных элементов деятельности во взаимодействии с сотрудниками. В качестве эмпирического материала использовались данные полученные на респондентах, проживающих на территории Краснодарского края и Республики Адыгея

The article presents the analysis of theoretical and empirical results of the study of ethno-psychological peculiarities of representatives of the two ethnic groups. The results were given for comparative analysis and the semantic value sphere of personality, peculiarities of structuring experience. The research is more applied in nature and allows to optimize the structure of personnel motivation and optimal balance of formal and informal elements of the activity in interaction with employees from a practical point of view. In the study we have used data obtained on the respondents residing in the territory of the Krasnodar region and the Republic of Adygea

Ключевые слова: ОБРАЗ «Я», СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВАЯ МОДАЛЬНОСТЬ, ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, УСТАНОВКИ

Keywords: "I" IMAGE, SOCIO-ROLE MODALITY, ETHNIC CHARACTERISTICS, POSITION

В условиях глобализации особую важность представляют вопросы эффективного взаимодействия руководителей и подчиненных. Межкультурные различия не должны являться препятствием для понимания и решения задач организации.

Индивидуальные особенности личности во многом определяются социальными и культурными детерминантами. Поэтому изучение

факторов, влияющих на формирование личности, позволит использовать эту информацию в процессе управления персоналом.

С этой целью полезным для менеджеров является знание этнопсихологических особенностей личности, связанных с самооценкой личности. Результаты самооценки личности влияют на важные решения в профессиональной среде – выбор профессии и уровня сложности задач.

Для описания поведения личности часто используют понятие «установка», которое подразумевает объяснение поведения личности. Установки формируются семьей, культурой, языком и т.д. и, в свою очередь, влияют на организационное поведение работника. Наличие установок позволяет работникам сохранить позитивную самооценку, самоутвердиться в наиболее комфортной форме, адаптироваться к окружающей среде и др.

Важнейшей установкой работников является удовлетворенность трудом, значит, менеджерам следует изучать установки своих подчиненных и изменять негативно влияющие на поведение сотрудников в организации.

Современное общество подвержено бурным изменениям, связанным с его экономической, политической перестройкой. Эти изменения сопровождаются взаимопроникновением культур, традиций и стилей жизни этнических групп, включенных в эти взаимоотношения. С одной стороны, это может приводить к лучшему пониманию этнопсихологических особенностей, с другой стороны, вызывать конфликты и споры. Как следствие возникают вопросы о наличии этнопсихологической специфики в содержании обыденного сознания отдельного человека. Мысль о том, что люди по-разному «видят мир» не нова. Как правило, призмой, через которую преломляется индивидуальное сознание, создавая свою индивидуальность и своеобразие, может служить

родной язык, культура, особенности национального самосознания и другие факторы.

Как отмечает Г.М. Андреева: «... Психология сталкивается с феноменами, коренящимися не в индивидуальном сознании, а в сознании народа, ... существует нечто кроме индивидуального сознания, характеризующее психологию группы, и индивидуальное сознание в определенной степени задается ею» [1]. В данном случае мы говорим о «значениях» или стереотипах, в которых закреплены типичные для данной этнической группы «понятия», «знания», «умения», «нормы поведения». Выполняя общие задачи люди, не просто обмениваются значениями, вырабатывают общий смысл, происходит ассимиляция этнических групп со стиранием ярких особенностей этнического самосознания каждого члена этой группы.

Э. Фромм относительно связи этнических особенностей личности и ее представлений о себе писал: «Изучая реакции какой-либо социальной группы, мы имеем дело со структурой личности членов этой группы, т.е. отдельных людей; однако при этом нас интересуют не те индивидуальные особенности, которые отличают этих людей друг от друга, а те общие особенности личности, которые характеризуют большинство членов данной группы» [17]. Важное место в системе значений стереотипов занимают представления человека об окружающей его действительности, о себе самом, о своем отношении к этой действительности. Полноценное овладение другим языком как средством общения не только включает усвоение определенного запаса слов и грамматических правил, но и предусматривает знание этикета, мимики, жестов, манеры поведения и даже того, как следует одеваться по случаю того или иного события. Эти навыки перенимаются при живом человеческом общении путем погружения в иную языковую культуру. Кроме этого, человеческое

восприятие и осознание мира несет в себе тот общественный опыт, который присущ той или иной культуре.

Картина мира, формирующаяся в индивидуальном сознании, трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных «пристрастных» культурно-исторических моделей мира, которую создает единичный или коллективный субъект, которую можно обозначить как позицию «множественности возможных моделей мира» или идея «плюрализма истины».

Образы и понятия, которые формируются у людей друг о друге, неся людям информацию об объективных характерах каждого участника деятельности и о его возможностях, позволяют им вести себя в соответствии с отмечаемыми ими у других человеческими свойствами и целесообразно планировать свое поведение. Таким образом, формы отражения окружающего мира являются регулятором общения.

У каждого человека под влиянием общества, членом которого он является, формируются общие нравственно-эстетические требования к другим людям и образуются воплощающие требования более или менее конкретные эталоны, пользуясь которыми он дает оценку окружающим его людям. В явлении стереотипизации всегда находит выражение запас теоретических и практических знаний, которыми располагает человек о каждом из общественных классов, о поле, возрасте, профессии. Стереотипы начинают срабатывать уже тогда, когда оцениваемые люди отличаются друг от друга только своим физическими характеристиками – наружностью. Суждения людей о новом для них человеке в сильной степени обусловлены имеющимися у этих людей представлениями о национально-этнических группах, к которым они относили оцениваемого человека.

Личный взгляд человека на других людей всегда несет на себе так же печать его особых черт характера, его личной силы и слабости, выражает

индивидуально неповторимые черты его жизненного пути, особенности воспитания, которое он получил. Люди познают друг друга не ради праздного любопытства, к этому побуждает жизнь в обществе, и результаты познания всегда, в конечном счете, влияют на их труд, на формирующееся у них отношение к другим людям и к себе. В связи с этим, а также со значительным расширением диапазона кросс-культурных контактов стал более актуальным вопрос межэтнического взаимодействия.

Представление индивида о самом себе, как правило, кажутся ему убедительными независимо от того, основываются они на объективном знании или субъективном мнении. Предметом восприятия человека могут, в частности, стать его тело, его способности, его социальные отношения и множество других личностных проявлений. Конкретные способы самовосприятия, ведущие к формированию образа Я могут быть самыми разнообразными. Описывая самого себя человек, прибегает обычно к помощи прилагательных: «надежный», «общительный», «сильный», «красивый» и т.д., которые, по сути, являются абстрактными характеристиками, которые никак не связаны с конкретным событием, тем самым человек в словах пытается выразить основные характеристики своего привычного самовосприятия. Эти характеристики: атрибутивные, ролевые, статусные, психологические и т.п. можно перечислять до бесконечности. Все они составляют иерархию по значимости элементов самоописания, которая может меняться в зависимости от контекста, жизненного опыта человека или просто под влиянием момента. Такого рода самоописания – это способ охарактеризовать неповторимость себя и каждой личности через сочетания ее отдельных черт.

В исследовании мы исходим из концепции Р. Бернса считающего образ Я когнитивным компонентом, характеризующим представления человека о самом себе. Данные характеристики, по его мнению, могут быть атрибутивными, ролевыми, статусными, психологическими и т.п. Все

они составляют иерархию по значимости элементов самоописания своего образа Я, который может меняться в зависимости от контекста, жизненного опыта человека или просто под влиянием момента. Такого рода самоописания с точки зрения Р. Бернса – это способ охарактеризовать неповторимость себя и каждой личности через сочетание ее отдельных черт [2].

В психосемантическом подходе личность рассматривается не как набор объективных характеристик, получаемых с помощью диагностических показателей, а как носитель определенной картины мира, индивидуальных значений и смыслов. Представление о модели мира, присущее обыденному сознанию людей, принадлежащих к тому или иному этносу, дает возможность анализировать все то, что относится к значениям, фиксирующим типичные для данного народа понятия, знания, умения и т.д. [11, 14].

В проведенном нами исследовании рассматриваются представления о себе адыгейского этноса, который включает непосредственно адыгейцев, черкесов и кабардинцев [7]. Сравнительный анализ проводился на основе представителей кубанского казачества, проживающего на территории Краснодарского края и включивших в себя украинский и русский этнический компонент. Выборка была составлена следующим образом: 67 респондентов кубанских казаков; 62 респондента – представители Адыгейского этноса. Возраст респондентов варьировал в пределах 25–36 лет. Для изучения этнопсихологических особенностей образа Я использовалась оценочная решетка И.Л. Наприева [10]. При описании когнитивного компонента образа Я использовались три социально-ролевые модальности «Я-личность», «Я-семьянин», «Я-профессионал», позволяющие дать достаточно полную характеристику представлений субъекта.

Исследование категориальных структур описывающих различия в образе Я рассматриваемых этнических групп включало: проверку выборок на соответствие распределение признаков закону нормального распределения (z-критерий Колмогорова-Смирнова); изучение средних показателей по оцениваемым критериям; выявление статистически значимых различий (однофакторный дисперсионный анализ); проведение процедуры факторного анализа (метод выделения: главных компонент; метод вращения: эквимакс).

Представители адыгейского этноса описывают себя в рамках модальности «Я-личность» как менее энергичных, открытых, общительных и напряженных по сравнению с представителями кубанского казачества, но более раздражительных. В модальности «Я-семьянин» представители кубанского казачьего этноса описали себя как более решительных, уверенных и напряженных по сравнению с адыгейцами. В модальности «Я-профессионал» казаки считают себя более решительными и менее раздражительными по сравнению с адыгейцами. В целом, это позволяет говорить о более высокой самооценке этнического сообщества кубанских казаков относительно представителей адыгейского этноса.

Так, типичный представитель адыгейского этноса проявляет внешнюю активность, выстраивает отношения с окружающими, старается не брать на себя ответственность за самостоятельное принятие решений и утверждения собственной линии поведения. Периодически проявляет чрезмерную, скорее, речевую активность. Сомневается в справедливости своих действий или поведения, но компенсирует это в других ситуациях подчеркнуто «добрым поведением», «дружелюбием» и наличием понимания несовершенства внешних правил ограничивающих реализацию его «справедливости» во вне.

Факторная модель смыслового пространства представителей адыгейского этноса, социально-ролевая модальность – «Я-личность».

Фактор 1. «Направлен на взаимодействие, стеничен» 37,1%: отзывчивый (0,895), открытый (0,888), независимый (0,886), добросовестный (0,872), общительный (0,85), напряженный (0,838), сильный (0,837), раздражительный (-0,798), разговорчивый (-0,735), энергичный (0,713), дружелюбный (0,64).

Фактор 2. «Ведомый исполнитель» 18,1%: самостоятельный (-0,919), решительный (0,798), деятельный (0,638), суетливый (0,588).

Фактор 3. «Добрый, но несправедливый» 15,7%: добрый (0,835), справедливый (-0,72), обаятельный (0,695).

Фактор 4. «Честный» 14,7%: честный (0,93), упрямый (0,673), уверенный (0,658).

Факторная модель смыслового пространства представителей кубанского казачьего этноса, социально-ролевая модальность – «Я-личность».

Фактор 1. «Ориентирован во вне, добросовестен» 24,6%: общительный (0,907), добросовестный (0,859), уверенный (0,757), упрямый (0,715), отзывчивый (0,692), суетливый (0,567), дружелюбный (0,566).

Фактор 2. «Уверен в себе, стеничен» 23,7%: открытый (0,85), сильный (0,841), раздражительный (-0,797), напряженный (0,709), независимый (0,701), энергичный (0,613), разговорчивый (-0,54).

Фактор 3. «Активность в незначительной степени контролируется из вне» 18,2%: решительный (0,902), деятельный (0,714), честный (0,663), самостоятельный (-0,641).

Фактор 4. «Доброта на фоне несправедливости» 16,7%: добрый (0,893), обаятельный (0,817), справедливый (-0,775).

Содержательные отличия по модальности «Я-личность» представителей обозначенных этносов лежит в области самостоятельного принятия ответственности. У представителей адыгейского этноса понятия честности и справедливости более разведены в структурном плане, нежели

у представителей кубанских казаков. Вероятнее всего, это связано с разрывом между внешними требованиями социума и сложившимися собственными взглядами их представителей в затрагиваемых проблемных зонах.

В модальности «Я-семьянин» адыги, предположительно, занимают зависимую позицию, но внешне декларируют силу и активность. Черты мягкости, маскируются за вычурной мужественностью и доминантностью. У представителей кубанского казачьего этноса присутствует субъективное ощущение несправедливости своего позиционирования в семейных отношениях, зависимость и как вероятное разрешение этого состояния, трансляция во вне социально приемлемого образа «Я-семьянин».

В обоих этнических сообществах образ Я, связанный с семейными отношениями находится в проблемном состоянии, но у представителей адыгейского этноса ресурс «прочности» или стабильности своей позиции в этих отношениях значительно выше, нежели у представителей кубанского казачьего этноса.

Факторная модель смыслового пространства представителей адыгейского этноса, социально-ролевая модальность – «Я-семьянин».

Фактор 1. «Проявляет активность, но занимает подчиненную позицию» 31,2%: суетливый (0,894), обаятельный (0,857), уверенный (0,854), добрый (0,839), самостоятельный (-0,836), честный (0,827), деятельный (0,774), решительный (0,722), упрямый (0,706).

Фактор 2. «Обращен во вне, стеничен» 27,1%: разговорчивый (-0,878), открытый (0,836), добросовестный (0,79), независимый (0,766), раздражительный (-0,756), сильный (0,673).

Фактор 3. «Энергичен, напряжен, неискренен» 25,9%: энергичный (0,886), напряженный (0,828), дружелюбный (0,788), общительный (0,707), справедливый (-0,677), отзывчивый (0,635),

Факторная модель смыслового пространства представителей кубанского казачьего этноса, социально-ролевая модальность – «Я-семьянин».

Фактор 1. «Оценка себя как несправедливого на фоне социально желательных характеристик» 33,1%: справедливый (-0,798), деятельный (0,797), упрямый (0,794), добросовестный (0,785), дружелюбный (0,754), суетливый (0,723), отзывчивый (0,715), общительный (0,661), энергичный (0,625).

Фактор 2. «Несамостоятельность на фоне обращенности во вне» 28,8%: самостоятельный (-0,784), добрый (0,779), честный (0,763), напряженный (0,703), открытый (0,699), уверенный (0,665), решительный (0,664), обаятельный (0,641), независимый (0,64).

Фактор 3. «Сильный, обращенный во вне» 22,4%: сильный (0,790), разговорчивый (-0,708), общительный (0,647), раздражительный (-0,613).

В социально-ролевой модальности «Я-профессионал» представители адыгейского этноса имеют относительно простую структуру в отличие от этноса кубанского казачества, которая представлена тремя факторами, вокруг которых сосредоточены описательные характеристики. Основной фактор включает в себя характеристики которые «должны» принадлежать «профессионалу» (социально значимые характеристики), два других фактора представляют как бы его теневую сторону, в которых присутствует, во-первых, потребность в поддержке, во-вторых субъективная оценка себя как «несправедливого» хотя и «обаятельного».

Факторная модель смыслового пространства представителей адыгейского этноса, социально-ролевая модальность – «Я-профессионал».

Фактор 1. «Социально желательные качества» 43,7%: общительный (0,957), отзывчивый (0,914), добросовестный (0,902), раздражительный (-0,9), энергичный (0,889), открытый (0,883), дружелюбный (0,872),

напряженный (0,868), сильный (0,854), разговорчивый (-0,791), независимый (0,667).

Фактор 2. «Активный, требующий поддержки» 24%: деятельный (0,853), уверенный (0,804), решительный (0,745), суетливый (0,719), упрямый (0,713), честный (0,687); самостоятельный (-0,619), добрый (0,595).

Фактор 3. «Несправедливый, но обаятельный» 12,9%: справедливый (-0,743), обаятельный (0,706).

Представители кубанского казачьего этноса дифференцировали позиционирование себя как профессионала на компонент, реализующий саму деятельность, компонент, координирующий эту деятельность с коллегами, компонент, поддерживающий ее стабильную реализацию и компонент, включающий негативную ее оценку. Но в отличие от представителей адыгейского этноса «вес, негативно оцениваемый компонента» в процентном отношении в разы менее выражен у кубанских казаков.

Факторная модель смыслового пространства представителей кубанского казачьего этноса, социально-ролевая модальность – «Я-профессионал».

Фактор 1. «Стеничен, направлен на деятельность» 27,2%: упрямый (0,853), добросовестный (0,846), общительный (0,821), отзывчивый (0,819), деятельный (0,811), напряженный (0,804), обаятельный (0,683).

Фактор 2. «Стеничен, направлен на взаимодействие» 21,2%: разговорчивый (-0,842), независимый (0,717), энергичный (0,693), сильный (0,692), открытый (0,676), дружелюбный (0,645),

Фактор 3. «Уверенный, решительный» 20,1%: уверенный (0,865), решительный (0,81), суетливый (0,756), честный (0,716), раздражительный (-0,643).

Фактор 4. «Несправедливый, добрый, несамостоятельный» 14,6%: справедливый (-0,806), добрый (0,715), самостоятельный (-0,646).

Итак, подводя итог нашего исследования, можно утверждать, что у представителей обоих этносов присутствует конфликт в области оценки себя и вероятно своей деятельности в области «честность–справедливость», где «честность», вероятно, является критерием личной оценки респондентов своей позиции, способность выражать свое истинное отношение к чему-либо, а справедливость относится к области общественного контроля [16], включающее понятие о должном, содержащее в себе требование соответствия деяния и воздаяния [15]. Однако, наблюдая в данном случае столкновение между требованиями социума и собственными представлениями на этот счет, можно с высокой долей вероятности прогнозировать рост внутреннего напряжения, где направление, в котором он будет его утилизировать достаточно сложно (от употребления алкоголя до участия в массовых беспорядках). И наиболее остро этот вопрос стоит у представителей кубанского казачества в области семейных отношений, а у представителей адыгейского этноса в области личностной и профессиональной идентичности.

Исследование проблемы, когда справедливость вообще может быть не уместна в социальных отношениях или когда она ограничивается общепринятыми правилами, нормами, законами, выходит за рамки нашей работы, поэтому мы лишь ее обозначаем, как возможное направление дальнейшего развития этой темы.

Вызывает интерес маркирование респондентами обоих этнических сообществ оценочной характеристики «самостоятельность». Так, представители адыгейского этноса менее «самостоятельными» себя считают в ситуациях связанных с профессиональными сторонами своего образа Я, а представители кубанского казачьего этноса с образом себя как

семьянина. И соответственно испытывают потребность в поддержке. Причем представители адыгейского этноса обозначают этот дефицит более открыто.

Полученную информацию можно использовать различным образом, в том числе как для установления доверительных отношений с представителями обозначенных этносов. Результаты данного исследования дают лишь начальную общую характеристику различий о механизмах репрезентации окружающего мира, на материале этнопсихологических различий участвовавших в опросе респондентов, однако, оно позволило выделить определенные характеристики, имеющие значение при межличностном взаимодействии, как в бытовом, так и профессиональном плане. Дальнейшая разработка проблематики этнопсихологических различий семантического пространства образа Я видится нам перспективной как для решения теоретических, так и сугубо прикладных задач.

Литература

1. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М., 1996.
2. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. – М., 1986.
3. Бодалев, А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. – М.: МГУ, 1982. – 200 с.
4. Гостев, А. А. Актуальные проблемы изучения образного мышления // Вопр. психол. – 1984. – № 1. – С. 114–119.
5. Гостев, А. А. Индивидуальные особенности пространственных представлений в операторской деятельности // Психол. журн. – 1982. – № 1. Т. 3. – С. 101–109.
6. Кон, И. С. Открытие Я / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1989.
7. Культура регионов России. Совместный проект ГРДНТ и ГИВЦ Минкультуры России при поддержке Министерства культуры Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.culturemap.ru/?region=120&subtopic=41&id=1326>
8. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М., 1984.
9. Наследов, А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие / А. Д. Наследов. – СПб., 2004.
10. Наприев И.Л., Луценко Е.В. Образ-Я и стилевые особенности личности в экстремальных условиях. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012 – 260 с.

11. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М., 2005.
12. Прохоров, А. О. Семантические пространства психических состояний / А. О. Прохоров. – Дубна: Феникс+, 2002. – 280 с..
13. Резников, Е. Н. Теоретические и методологические проблемы этнической психологии / Е. Н. Резников. – Мн.: Изд. Центр БГУ, 2006. – 440 с.
14. Серкин, В. П. Методы психосемантики: учеб. пособие для студентов вузов / В. П. Серкин. – М., 2004.
15. Справедливость. Режим доступа: <http://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D1%FF%F0%E0%E2%E5%E4%EB%E8%E2%EE%F1%F2%FC>
16. Теория справедливости Д. Роуса. Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/markov/fantr_iv_3.html
17. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М., 1990.
18. Чеснокова, И. И. Проблема самосознания в психологии / И. И. Чеснокова. – М., 1977.
19. Шмелев, А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А. Г. Шмелев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
20. Гайдук, В. И., Калитко, С. А., Комлацкий, Г. В. Организация учебного процесса и научной деятельности при подготовке менеджеров: учебное пособие / В.И. Гайдук, С.А. Калитко, Г. В. Комлацкий. – Краснодар, 2013. – 213с.
21. Гайдук, В. И., Калитко, С. А., Комлацкий, Г. В., Арутюнов, Э. К. Организация учебной, внеаудиторной и научной деятельности в вузе : учебник / В. И. Гайдук, С. А. Калитко, Г. В. Комлацкий, Э. К. Арутюнов. – Краснодар, 2014. – 395 с.

References

1. Andreeva, G. M. Social'naja psihologija / G. M. Andreeva. - М., 1996.
2. Berns, R. Razvitie Ja-konceptii i vospitanie / R. Berns. - М., 1986.
3. Bodalev, A. A. Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom / A. A. Bodalev. - М.: MGU, 1982. - 200 s.
4. Gostev, A. A. Aktual'nye problemy izuchenija obraznogo myshlenija // Vopr. psihol. - 1984. - № 1. - S. 114-119.
5. Gostev, A. A. Individual'nye osobennosti prostranstvennyh predstavlenij v operatorskoj dejatel'nosti // Psihol. zhurn. - 1982. - № 1. T. 3. - S. 101-109.
6. Kon, I. S. Otkrytie Ja / I. S. Kon. - М. : Politizdat, 1989.
7. Kul'tura regionov Rossii. Sovmestnyj proekt GRDNT i GIVC Minkul'tury Rossii pri podderzhke Ministerstva kul'tury Rossijskoj Federacii. Rezhim dostupa: <http://www.culturemap.ru/?region=120&subtopic=41&id=1326>
8. Lomov, B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii / B. F. Lomov. - М., 1984.
9. Nasledov, A. D. Matematicheskie metody psihologicheskogo issledovanija. Analiz i interpretacija dannyh: uchebnoe posobie / A. D. Nasledov. - SPb., 2004.
10. Napriev I.L., Lucenko E.V. Obraz-Ja i stilevyje osobennosti lichnosti v jekstremal'nyh uslovijah. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012 - 260 s.
11. Petrenko, V. F. Psihosemantika soznaniya / V. F. Petrenko. - М., 2005.
12. Prohorov, A. O. Semanticheskie prostranstva psihicheskikh sostojanij / A. O. Prohorov. – Дубна: Феникс+, 2002. – 280 с..

13. Reznikov, E. N. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy jetnicheskoy psihologii / E. N. Reznikov. □ Mn.: Izd. Centr BGU, 2006. - 440 s.
14. Serkin, V. P. Metody psihosemantiki: ucheb. posobie dlja studentov vuzov / V. P. Serkin. □ M., 2004.
15. Spravedlivost'. Rezhim dostupa:
<http://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D1%FF%F0%E0%E2%E5%E4%EB%E8%E2%EE%F1%F2%FC>
16. Teorija spravedlivosti D. Rousa. Rezhim dostupa:
http://anthropology.ru/ru/texts/markov/fantr_iv_3.html
17. Fromm, Je. Begstvo ot svobody / Je. Fromm. - M., 1990.
18. Chesnokova, I. I. Problema samosoznaniya v psihologii / I. I. Chesnokova. □ BM., 1977.
19. Shmelev, A. G. Vvedenie v jeksperimental'nuju psihosemantiku: teoretiko-metodologicheskie osnovanija i psihodiagnosticheskie vozmozhnosti / A. G. Shmelev. □ M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1983.
20. Gajduk, V. I., Kalitko, S. A., Komlackij, G. V. Organizacija uchebnogo processa i nauchnoj dejatel'nosti pri podgotovke menedzherov: uchebnoe posobie / V.I. Gajduk, S.A. Kalitko, G. V. Komlackij. – Krasnodar, 2013. – 213s.
21. Gajduk, V. I., Kalitko, S. A., Komlackij, G. V., Arutjunov, Je. K. Organizacija uchebnoj, vneauditornoj i nauchnoj dejatel'nosti v vuze : uchebnik / V. I. Gajduk, S. A. Kalitko, G. V. Komlackij, Je. K. Arutjunov. – Krasnodar, 2014. – 395 s.